
*Специальная тема выпуска:
Общая персонология*

**ФЕНОМЕНОЛОГИЯ И ФАКТОЛОГИЯ ЛИЧНОСТИ:
КОНВЕРГЕНЦИЯ ПЕРСПЕКТИВ
(ВСТУПИТЕЛЬНЫЕ ЗАМЕТКИ)**

Да, в своеобразном положении находится автор вступительного слова к спецтеме журнала! Непросто мне было взглянуть на содержание данного раздела извне, с позиции отстраненного наблюдателя и аналитика. Это относится к обеим статьям.

Статья Е.Б. Старовойтенко. Причина моих трудностей в том, что многие годы, работая рядом и вместе друг с другом, вовлекая студентов в совместное думание, мы с автором этой статьи были озабочены общим кругом идей, развивая их, конечно, по-разному, в несовпадающих культурных контекстах. То общее, что нас, по-моему, объединяет, — это инобытие человека в человеке, идеальная представленность в себе и другом, бытие «внутри» и «между», «отраженная и возвращенная субъектность», «вклады» и много другое, что является предметом нашего общего интереса. Все в статье вызывает во мне сильный отклик, все

представляется мне исключительно значимым. Как размышлять об этом вчуже? И тут же – вопрос: не субъективен ли я, не пристрастен ли, говоря об этой работе?

А вторая статья – совместная, написанная Д.А. Леонтьевым, О.В. Митиной, Л.С. Кифак, Ж.С. Тихобровой и мной, она посвящена оценке моей методики психологической состоятельности личности. Ну как тут сохранить объективность и, по М.М. Бахтину, «вненаходимость» позиции?!

Да и не взялся бы я писать о двух этих работах, если бы не одно примечательное обстоятельство, ради которого я подготовил эти вступительные заметки. Я имею в виду глубокую общность перспектив развития каждой из затронутых тем.

Так, на первый взгляд, работа Е.Б. Старовойтенко, в которой по-новому раскрываются ее собственные многолетние разработки проблем

рефлексии, являет собой исключительно феноменологическое исследование. Но это только на первый взгляд. Богатые ссылки на философские и культурологические источники не должны заслонять от нас тот факт, что сам автор видит в своих разработках повод к будущим эмпирическим исследованиям. Для меня как читателя-психолога текст статьи Е.Б. Старовойтенко — изобилие, я бы сказал, провокаций для использования и разработки новых методов, позволяющих, как говаривал в свое время М.Г. Ярошевский, «поймать в ловушку опыта» ускользающие, превращающиеся друг в друга «сущности», такие как «я», «Я-в-другом», «Другой-во-мне», «Я-вместе с другим» и пр. Однако невольно задумываешься: а хватит ли у нас, психологов, собственных исследовательских средств для изучения этих ипостасей самосознания, а если хватит, то каким мог бы быть эмпирический «инструментарий», превосходящий возможности постижения всех этих «сущностей» философами, культурологами, герменевтиками, поэтами, писателями, драматургами или хотя бы сравнимый с ними?

С другой стороны, разве не видим мы, психологи по профессии, разницы между конструктами, живущими в культуре («субъект», «я», «личность» и пр.), и реалиями индивидуальной жизни? К примеру, «субъект». Культура подсказывает нам представление о субъекта как существе целеустремленном, свободном и развивающемся. Но существует ли наяву нечто такое, что может быть названо субъектом? В плане сравнения: единорог из сказки для взрослых Питера Бигля существует в про-

странстве вымысла, но мы не встретим его ни на воле, ни в зоопарке. Так и в случае «субъекта»: появляется сомнение, насколько перечисленные атрибуты субъектности применимы к конкретным Петру, Павлу, Ольге, Людмиле... Или, положим, «я». Является ли наше «я» действующей причиной (полноценным субъектом), а поведение (или переживаемые отношения) — ее следствием, или «я» есть культурный знак подразумеваемого, но не существующего денотата?

Вот почему хотелось бы подчеркнуть особо: статья Е.Б. Старовойтенко, обращающая нас первоначально к культурным репрезентациям идеи Я, в сущности ориентирована на построение моделей психологических исследований, наделяющих весом фактичности понятия, раскрываемые герменевтически (именно об этом — концовка статьи, указывающая на перспективы исследования).

Обратимся к следующей в разделе статье, подготовленной пятью авторам. В ней, казалось бы, мы не увидим какой-либо общности — ни содержательной, ни жанровой — с первой статьей. Дизайн работы не оставляет сомнений: перед нами исследование, имеющее исключительно эмпирический (мы бы сказали — фактографический характер). Типичная работа в позитивистском духе, не правда ли? Но заметим, не случайно ведь речь в ней идет о проверке феноменологической модели саморегуляции. И в самом деле, базовый конструкт «состоятельность», рассматриваемый авторами, заключает в себе стимул к специальному феноменологическому осмыслению — идею общности возможностей

человека и их побудительной ценности, чувство единства «могу и хочу». Потребовалось найти особый термин, маркирующий взаимосвязь переживаемых способностей к действию и стремления их осуществить. Математика взаимоотношений между моментами «могу» и «стремлюсь» – это, если вдуматься, экзистенциальная математика: каждый символ, входящий в формулу состоятельности, должен получить здесь свое имя на живом языке, свой феноменологический эквивалент. Так, представители естественных наук, имея дело с математическими символами, раскрывают их «физический смысл». Иногда это непросто. Например, весьма необычный символ – \supset . Формально он соответствует материальной импликации в математической логике, но фактически не имеет ничего общего с логической связкой «если..., то...». Требуется дополнительные пояснения к его расшифровке. Удалось ли авторам, использующим математические формулы, достичь интуитивного соответствия между означающими (сим-

волами x, y, F, s, z, U, Δ) и означаемыми («интенция», «доступность», «установка», «иррациональные ожидания», «здравомыслие», «самоконтроль», «волютаризм»)? На этот вопрос читатели смогли бы ответить уже сегодня, прочитав статью. «Уроком на завтра» для авторов будет проведение феноменологических исследований, отвечающих на этот вопрос (о чем говорится в заключительной части статьи).

Возможно, это примета времени: культурно-феноменологические разработки содержат в себе перспективу будущих эмпирических исследований, а строго эмпирические разработки потенцируют феноменологические продолжения. Вот и в данном случае мы имеем дело с конвергенцией перспектив, порождающих то, что в разное время авторами этой спецтемы называлось по-разному – «общая персонология», «новая персонология», «возможностная персонология», «постнеклассическая персонология», «наука личности».

В.А. Петровский